

Алёна Берндт

ГОРОШКИНО
ЗЕРКАЛЬЦЕ

"Лесниковы байки"

Алёна Берндт

**Лесниковы байки.
«Горошкино зеркальце»**

«Автор»

2025

Берндт А.

Лесниковы байки. «Горошкино зеркальце» / А. Берндт —
«Автор», 2025

Тайно и явно ходит зло по земле, заглядывает в души, словно в оконца, и всё видит... Кто падок на золото-серебро, кто другой какой искус имеет, разуется зло, тянет свои холодные руки, цепляет когтями. Кто же победит зло, неужели могучий богатырь? Или тот, у кого душа светла и полна любовью? За кем встанет великая Сила Рода?

© Берндт А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	14
Глава 5.	16
Глава 6.	19
Глава 8.	24
Глава 9.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алёна Берндт

Лесниковы байки. "Горошкино зеркальце"

Глава 1.

– Дедусь, ну что? Про что у нас теперь сказ будет? – Алексей довольно потёр руки и сунул в рот кусок истекающих мёдом сотов.

– Ну, сказ да сказ, – усмехнулся в бороду дед Матвей, – Что ж ты, этакой большой, а всё тебе сказы на ночь сказывай. Сам уж расскажи, как ты нонче на Каменную Краюху сходил? Записал, чего хотел то?

– Записал, дедусь! – кивнул Алексей, он хоть и устал сегодня, а доволен был своим походом, – Ты правду сказал – там такое слышится меж камней, неземное что-то! Как будто тарелки летающие гудят, или корабли космические!

– Ох ты, «тарелки»! Да откудава люди такого понапридумали, – смеялся дед Матвей, – Не бывает такого. А на Каменной Краюхе голоса земли слышатся, даже когда ветра нет, и ни один листок на кусту не шелохнётся, а там всё одно меж камней дух земли идёт. Завсегда так было, сколь я себя помню, и дед мой, и прадед про то рассказывали. А раньше, до Советской-то власти, шаманы там собирались, молебны какие-то свои там делали. Сказывают, что от этого вся округа тогда гудела так, что и за Старокаменкой было слышать.

– Эх, жалко теперь такого нет, я бы это записал! И поглядеть бы хотелось тоже! – мечтательно сказал Алексей, – Сейчас, наверное, и шаманов-то не осталось, а, дедусь?

– Дак может и остался кто дальше там, кто ж их знает, – дед Матвей разложил на столе чистую тряпицу и нацепил на нос очки, он собирался перебрать добытые им недавно корешки женьшеня, – Вишь, Ляксея, какая редкость давеча мне попала за Большой то Грядой! Мало его стало нонче, ушёл чудесный корень с наших краёв. А раньше, сказывают, много его здесь было, чудийцы его оргадаем звали, тубалары или челканцы кликали его «кижи-сиген». Много имён у золотого корня, да вот, ушёл он из наших-то местов. Человек пришёл, и погубил золотой корень, потому что бездумно стал брать его человек, не заботясь о том, что после него останется. А разве много надобно-то? Вот я всего и взял малый корешок, теперь его на кусочки и в настой. Сила у золотого корня большая.

– А что, много раньше было этого корня тут? – Алексей взял кусочек корня в руки, – Интересный аромат, что-то знакомое. Дедусь, а расскажи, почему ту гряду называют Каменной Краюхой?

– А, название это пошло от теленгитов, малое поселение у них там было в ранешние-то годы. После ушли они севернее, а название осталось. Они на своём языке звали ту гряду «хлеб-бом», ну как бы караваем по-нашему, а когда разлом этот случился, провал образовался в гряде, словно краюху от караваев отрезали, вот и пошло – Каменная Краюха. Это прозвали, кто туда ходил самоцветы старать, одно время чуть напроць не срыли всю гряду, когда Акинфий Демидов сюда приехал. Яшму нашли здесь, да не простую, какая везде встречается, а голубую, как вода, ну и потянулся народ, несмотря на то что в те поры здесь ходить надо было с опаской – местные чужаков не жаловали, могли тихомолком и прибить да в тайге бросить, волки доедят. Так и пошло с той поры – Каменная Краюха. Яшму-то почитай всю выбрали, дальше на север теперь есть ещё сколь-то добычи, но и то мало осталось. Ну, конечно и другие прочие камни попадались, может и теперь кто ходит, того я не знаю. Гряда-то каменная, только чахлый куст там и растёт, да колючки всякие, леснику оно без надобности, только пригляд какой-никакой, от пожара или ещё какой напасти. Хожу туда изредка.

– Дедусь, да ведь там как интересно! – у Алексея даже глаза загорелись, – Будь я тутешним лесником, часто бы ходил! Как гудит там ветер, такое звучание нигде больше не услышишь. Или не ветер, не понятно даже, откуда там звук рождается, будто из земли идёт. А как, наверное, интересно туда в грозу попасть! Это же будет... ух!

– Чего придумал, в грозу, – нахмурился дед Матвей, – Была у нас история...

Старый лесник призадумался, а Алексей сразу угадал, что сейчас начнётся новая история и мысленно похвалил себя за то, что приготовил всё для записи на плёнку, и даже батарейки новые поставил.

– В старые-то годы жил у нас в Карсуках Васятка Горохов, малым парнишком сиротой остался, мать от хвори померла, а отца Васятка и вовсе не видал, тот в тайге пропал ещё до его рождения. Остался Васятка один в худой избе, никого из родни у него в Карсуках и не было. А чтоб люди приютили, так кому такая обуза надобна – слыл Васятка по селу блаженным, потому соседи да сердобольные сельчане сироту подкармливали, какой-никакой пригляд был. Прозвали его Горошкой в селе-то, по фамилии, значит, да и за малый рост и хлипкое сложение.

Сказывают, было тогда Васятке лет семь от роду, когда он матери лишился, и урядник карсуковский, Мирон Гордеев, собрался было уже куда пристроить сироту, в богатый дом может, чтоб хоть при кухне чем помогал, всё сытый да в тепле, чем в пустой избе одному. Горошка в слёзы, на колени перед урядником бухнулся, дескать, сжался, дяденька, не гони с родного дома! Ну, тот хоть и строгий был, а всё ж не вовсе бессердешный, говорит мальчонке:

– Ну, побудь ещё до сороковин по матери, ладно уж. Но опосля, коли кто из сродников не объявится, стану пристройством твоим заниматься, – урядник был человеком суровым, даже немного грубоватым, но и он дрогнул, глядя в полные горя детские глазёнки, – Пойми ты, неможно одному-то дитёнку в избе, пропадёшь ведь, на моей совести будет это.

Горошка кивнул, что сказать мальчонке, когда стоит он перед огромным дядькой в мундире! Лето тогда уже на убыль шло, да и холодным оно выдалось, почти ничего на огороде и не выросло, да и какого тут урожая ждать, когда матушка Горошкина с весны как занемогла, так и не оправилась, какой уж тут огород.

Ходил мальчишка по заросшему травой огороду, только макушка и виднеется, чего-то там копается, в ведро складывает. Соседи сердобольные кто чего собрал – помогали, а как же. Да только к себе Горошку не звали. А всё потому, что не за малый рост его блаженным-то прозвали, кто говорил, что падучая у мальчишки, кто ещё какую-то хворь неведомую приплетал.

Сороковины-то уж вот они, думал Васятка, сидя у старой печки в покосившейся избе, что ему делать? Страшно дом родной покидать, да в услужение идти, ведь замордуют его, не шибко он расторопный для такой работы. Слёзы сами по щекам катились, и никто не видел, как переговаривается с кем-то Васятка, словно не один он на старой лежанке сидит.

Пасмурным августовским утром урядник Гордеев скрепя сердце собирался пойти к сироте, сороковины третьёго дня как уж прошли, пора... По этой самой причине он с самого утра пребывал в скверном расположении духа, кряхтел и тяжело вздыхал, всячески оттягивая выход из дому. Когда уж совсем затянулись эти сборы, подошёл он к своей жене Аграфене Порфирьевне:

– Что же, матушка... присоветуй хоть ты, чего мне с парнишком Гороховым-то делать? Уж душа вся меня изболелась, как жаль сироту!

– Так а что с има сделаешь, коли никого в родне не осталось, – пожала плечами Аграфена, – Нешто тебе отказали, когда ты к Спиридоновым про него с прошением ходил, чтоб при кухне его взяли служить?

– Да не отказали, – вздохнул Мирон Епифанович и тяжело опустился на стул, – Да куда его в прислугу-то, глянь на него – в чём душа держится? Не сдюжит ведь, помрёт там... как потом перед Богом за судьбу его отвечать, грех такой на душу взявши! Грунюшка, может к себе его возьмём? Пусть хоть посылно тебе по дому помогает...

– Ты, Мирон, никак позабыл, что у нас своих пятеро, трое малы ещё вовсе, а то мне с ними забот мало? Да и ладно бы здоров был, а то ведь... А ну как и наши от сироты этого прихватят какую хворь? Нет уж, ты будь добрый, нас от такого охраняй! И вообще, бабы говорят у колодца, что мальчишка этот... бесами он одержимый, видать в роду нагрешил у него кто-то! А ты – в дом его?!

– Да что ты бабы толки слушаешь, какие бесы! Дитёнок сиротой остался, да и откуда здоровым тут быть, когда всё детство впроголодь!

– Ты, Мирон Епифанович, как знаешь, если ты чужих детей вперёд своих жалеешь! – сердито бросила Аграфена и принялась за горшки у печи.

Что ж тут поделаешь, вздохнул Мирон Епифанович, надел поддёвку* старую, чтоб мундиром мальчонку не смущать, взял из буфета мятный пряник, чтобы слёзы сиротские утешить, и отправился к старому дому Гороховых, сказать парнишке, чтоб назавтра собирался – поедут с утра к Каллистрату Спиридонову, который держал две артели промысловые в здешних местах. Дом у него большой, прислуги много, так уж поди при кухне и для сироты местечко найдётся.

Глава 2.

Шагал Гордеев по селу, чуть кивал в ответ встречным, кто с ним здоровался, ну никак не по душе ему было всё это, словно на погибель самолично мальчишку отправлял!

«Да нешто я всесильный, – уговаривал урядник сам себя, – Нешто мне судьбу его вершить, коли так Бог управил... А я чем могу, тем и помогаю. Ну, не на рудник же я его повезу! Буду к Спиридоновым наведываться, проверять, не обижают ли сироту, не за сто вёрст ехать, чай, под боком у меня, можно и приглядеть!»

Успокоив себя таким образом, пришёл Гордеев к старой избе Гороховых. Оглядев плетень и двор, подивился, нешто сам парнишка этак справляется? Двор чисто выметен, горшки на плетне сушатся, куры сытые во дворе ходят, за огородом коза за рога привязана, траву щиплет и сердито на Гордеева глядит, потрясая рогами. Вот ещё забота, он об ней и не подумал, куда имущество гороховское девать!

– Эй, Васятка! – урядник вошёл во двор и кликнул хозяина, – Ты дома? Это я, дядька Мирон!

Дверь в избу отворилась и к удивлению Мирона Порфирьевича, на крыльце показался не тощий мальчонка в застиранной рубашонке, а высокая худощавая старуха в синем льняном переднике поверх добротного суконного платья.

– Здравствуй, хозяйюшка, – урядник немного растерялся, что же, нешто без его ведома кто-то дом гороховский занял, – Я Гордеев, урядник местный...

– Здрав будь, Мирон Порфирьевич, – сложив руки впереди себя ответила старуха, – Нешто не признал ты меня? Я Степаниды Гороховой, Васяткиной бабки, сестра родная, Устинья. Вот, услышала, что мальчишка у нас остался одинёшенек, а сама я вдовела уже давно, вот и приехала. Да ты, Мирон Порфирьевич, проходи в дом, что ж во дворе стоять.

Урядник степенно поднялся на крыльцо. В избе было тепло, хоть и август был, а погоды в тот год уже осенние стояли, даже заморозки ночью приключались иногда. Пахло съестным, на столе покрытый чистым рушником, «отдыхал» ржаной каравай. Чисто всё, прибрано, не в пример как он в прошлый раз здесь был. Даже печка выбелена наново, синим узором вокруг устья украшена, хорошо, как у всех добрых людей.

– Садись, гость дорогой, – пригласила Устинья, указав уряднику на место в красном углу, под образами, – Отведай угощения, какое Бог послал.

– Благодарствуй, Устинья Петровна, сыт я. Только из дому иду, – отказался урядник, но за стол присел, какой разговор на ногах-то, – Ну так... я сегодня к вам шёл, думал один тут Василий-то. Неможно дитёнку одному, вот я и уговорился с Каллистратом Спиридоновым, чтоб его при кухне служить взяли, покуда подрастёт. А там может в ученье какое, чтоб на хлеб себе заработал парень. Вот и думал сказать Васятке, чтоб собрался на завтра, да гляжу – теперь это без надобности, коли ты приехала...

– Дай тебе Бог, Мирон Порфирьевич, за заботу твою и добросердость. Василия я теперь сама пригляжу, покуда сил Бог даст, об этом не беспокойся.

– А что же, к себе его забирать станешь, или здесь жить останетесь? Я не по праздному интересу спрашаю – ежели изба пустая останется. Тут догляд нужен.

Урядник всё силился вспомнить, куда Устинья замуж выходила, в какое село, да только хоть и знал он родные места, словно свои пять пальцев, а про это никак не мог припомнить, а пытаться вроде и неловко.

– Здесь останемся, в Карсуках, – ответила Устинья, – Дом свой я продала, что ж из большого – то села мальчишку на выселки волочь, не шибко близко я жила, вот так и решила. Теперь немного капиталу есть, от продажи дома-то, на обустройство, да Василька пристрою получше

в жизни. Своих-то детей нам с мужем не дал Господь, так хоть родную кровинушку привечу, обогрею сиротку.

– Это ты мудро решила, Устинья Петровна, – кивнул урядник, – Ну, коли в чём нужда твоя будет, али помочь чем зандобиться – ты мне скажи, всё управим. А вот то, что капитал у тебя скоплен, так про то ты не сказывай никому. Хоть и нет у нас татей на селе, а всё же в артели Спиридоновские всякого народу приезжает в работы, мало ли... А лучше ты деньги эти на доход пристрой, для того в город ехать придётся, но зато оно надёжнее сохранится. И тебе самой покойнее, да и мне тоже.

– Об этом не беспокойся, Мирон Порфирьевич, я уже тем сама озаботилась. Всё же человек я в годах, век мой недолог остался, все дела в порядке должны быть, чтобы Васильку после моей кончины споров никаких не вести.

– Да что же ты, матушка, о смерти заговорила! – махнул рукой урядник, – Какие наши годы!

– Только у Бога и прошу, чтобы дал мне сколь-то годов успеть Васятку поднять на ноги, – Устинья поджала тонкие губы, – Милостив Господь, на него и уповаю.

Урядник ушёл довольный всем – и самим собой, и Устиньей, её разумностью и покладистостью, а особенно он был рад тому, что завтра ему не придётся везти в дом к артельщику Спиридонову зарёванного и посиневшего от горя парнишку. Теперь осталось только доложить самому Калистрату Спиридонову, что сирота присмотрен, не надобно больше и ему голову ломать, как к кухне этакого мелкого да хлипкого мальчонку приставить.

Обернувшись на избу Гороховых, Гордеев подумал, надобно отправить парней, кто покрепче, чтоб помогли старухе, крыльцо поправили, да так, по хозяйству что надобно.

Ну, наладилось потихоньку жизнь у Горошека, бабка Устинья хоть и строжилась иногда, а всё же мальчонку любила, жалела ему работу тяжёлую давать, да и хозяйство вела разумно – разве много и надо им двоим. Деньги, что Устинья выручила от продажи своего дома, приносили хоть и небольшой, но весомый для них доход, на эти деньги Устинья и обустроилась – кур больше развела, зерна по осени на ярмарке взяла, коровёнку справила. Вон мальчишечка тощий какой, а ему расти надо, сил набираться.

На селе Устинью мало видали, не любила она праздности, больше дома бывала, даже и в церкву по воскресеньям и то не каждый раз ходила, да и то придёт, и встанет у притвора, ни с кем разговоров не ведёт. Жертву давала всегда на праздники целый алтын, за что отец Евстафий кланялся ей особняком, и тут же на проповеди завсегда упоминал, что таковые благие деяния воздадутся.

Васятка чуть подрос, выправился на бабкиной заботе и в сытости, да вот только как блаженным его кликали, так это за ним и осталось. Потому как обычным людям невдомёк было, от чего Горошка снова стоит да глядит за околицу, в тёмный высокой бор глядит, улыбается там кому-то...

Ребятня дразнила его, конечно, вот он и не водил с ними дружбы, всё больше один любил оставаться. Ну да в том беда небольшая была, как бабка Устинья считала, чем досужими делами заниматься, в хозяйстве завсегда дела найдутся, вот и давала парнишку посильную работу. То козу на лужок вывести, к ручью, там в низинке и трава сочная, и вода свежая, и покуда коза траву щиплет, и самому можно под ракитой прилечь, соснуть сколь-то. С собой бабка краюху давала большую, не скупилась никогда, а Горошка и сам поест, и козе Белке отломит, а крошки на пенёк посыплет, птичкам скормит. Зверьё всякое Горошка привечало, кто это самолично видывал, тот диву давался.

Пастух местный, Сысой Клешнин, который стадо деревенское с помощниками своими гонял, не раз сказывал, что диковинное видал, когда мимо лужка заливного шёл, где Горошка свою козу приглядывал.

– Эко разве бывает, что вот этак зверь к ребёнку близко подходил! – говорил Сысой, теребя бороду, – А давеча гоним мы домой стадо, помощники впереди, я опосля всех иду, потому как Косоуховых две коровы любят пошалабродить, все домой, а эти так и норовят за старый починок сбёгнуть. Ну вот, иду, значицо, кнут приготовил, а эти две сатаны косоуховские на меня хитро так и поглядывают, да я зорко за ними гляжу, и вдоль низины иду. Гляжу, у самого ручья на камне парнишко Горохов сидит, коза его рядом, спокойно стоит, в бок ему лбом тычется. А супротив них сидит волк, да огромный, седой, Горошка ему на ладони кусок протягивает, а тот осторожно берёт, ест. Ну, рази этакое бывает? Не иначе, нечистый тут в обличье волка к блаженному пришёл!

Ну, мало ли чего кому с устатку привиделось, так отец Евстафий сказал, когда до него слухи этакие дошли, и рукой махнул. А потом поди разбери, чего было, чего не было, бабы уж напридумывали разного – и что видали, как Горошка птиц собрал, стаю великую, и те гречишное поле обнесли, которое за старым гумном сеял кузнец Тихон Бортвин, и что видал косой Федосей, как рыбачил Горошка у реки, а рыба с реки сама к нему в корзину прыгала. Что ж, народ на выдумки горазд, а что с того правда, поди потом узнай. Ни сам Васятка, ни бабка Устинья на людские додумки и бровью не вели, жили себе да жили. Да вот беда как придумает во двор войти, только знай воротá отворяй.

Глава 3.

Васятке только четырнадцатый год пошёл, когда захворала сильно Устинья, кашель злой пронимал, иссохла вся, побледнела. Всё больше на лежанке, в шаль завернётся да лежит, отвар горячий пьёт.

Позвали лекаря карсуковского, тот пришёл, порошки какие-то дал пить, обещался через неделю снова заглянуть. Да не помогали порошки, и коренья, что Устинья из своего сундука достала, тоже.

Горевал Василёк шибко, нешто и бабушку Устинью теперь придётся ему на погост провозжать... Только обогрелся около неё, ласковая она к нему, добрая, а вот вишь как – никого смерти не щадит, и всегда неожиданной гостьей в дом является.

Старался Васятка, за бабушкой ходил, заботился, даже к артельщику Спиридонову на поклон пошёл, хоть и боязно ему было, что прогонят его с богатого дома, и говорить не станут. Заручился Васятка запиской от урядника Гордеева, сказав тому, что Устинья занемогла, и лекарь тутошний сказал, лекарство надобно из города доставить, в аптеке оно готовится. Вот и хотел Василёк с просьбой к Спиридонову обратиться – пусть привезёт. Да не за просто так, взял Васятка денежку небольшую, в благодарность человеку важному за хлопоты.

Смирно сидел Васятка в большой прихожей дома артельщика Спиридонова, ждал, пока доложат тому, что отрок прибыл к нему с запиской от Гордеева. Мимо паренька сновала туда-сюда прислуга, мало внимания на него обращая, только управляющий глянул пристально, когда прохаживался мимо, заложив за спину руки.

Васятка сидел на скамейке у самого порога и во все глаза разглядывал богатое убранство. Прихожая была эдакого размера, поди как вся ихняя изба будет, и скамьи всё мягкие стоят, пурпурным сукном оббитые, и вазоны белой глины, как же искусно сделаны. Глазел Васятка на всё это и дивился, какое же чудо руки человеческие сотворить могут, с Божьей помощью!

Но особенно Васятке глянулись огромные, во всю стену прихожей зеркала в резной озолочённой раме, которые висели по обоим стенам друг напротив друга! Вот где диковина! Он видал, конечно, и ранее зеркала разные – девчата карсуковские, бывало, с собой носили махонькое, или с лотка купец продавал этакие на ручке, на ярмарке в соседнем большом селе Верховинцы. Дома у них с бабушкой тоже было зеркальце, небольшое, на ножке железной, в буфете стояло. Да дома-то Васятке оно и без надобности было, а тут, загляделся...

Словно два озера перед ним раскинулись, только отражалось в них не синее небо и склонившиеся к воде кудлатые ивы. Себя Васятка в тех зеркалах не видел, он сидел в уголке, а отражалась в зеркале огромная эта прихожая, и лавки в сукне... Васятка вытянул шею, чтоб получше разглядеть этот мир наоборот, и чуть вздрогнул – в зеркале отражалось и второе зеркало, висящее напротив.

Какое-то чудное явилось Васятке, даже голова вскружилась немного, потому что в зеркале образовался длинный коридор, который... плыл. Вился, словно зеркальная тропинка, и на миг Васятке показалось, что его сейчас же затянет туда, в этот странный дом в отражении.

– Ну а ты что тут околачиваешься? Или заняться тебе нечем? – раздался рядом с Васяткой строгий голос.

Мальчик подскочил, от двери к нему шагнул тот самый управляющий, что четверть часа назад прошёлся по дому и приметил сидевшего без дела отрока. Теперь он сурово сдвинул брови, чёрные его усы сердито подрагивали, когда он шумно выдыхал воздух.

– Я тут... по надобности я... Калистрата Демьяновича ожидаю, – быстро заговорил испуганный Васятка, – Записка у меня от Гордеева, и я...

– Записка? – управляющий сделался ещё сильнее сердит, – Записку отдал, так чего сидишь! Чай Каллистрат Демьянович не кинется сей же час к тебе, этакой важной птице! Дела свои справлять иди, али они у тебя только записки носить?!

– Я при доме не служу, – только и смог пискнуть перепуганный Васятка и случайно глянул в зеркало.

Тут язык у него и наовсе к нёбу прилепился от страха. Он вытаращил глаза, и вся душа Васяткина в пятки убралась, да там и замёрзла!

В зеркале перед ним отражался управляющий... Тот же камзол с пуговицами, часы на пузе, цепка от них болтается, штаны в полоску и даже усы эти чёрные шевелятся от сердитости. Да вот только ноги... на ногах у управляющего не было обуви, те лаковые обутки, которые видел на нём Васятка в зеркале не отражались, а вились вместо них копыта. Из штанов внизу торчали сперва чёрные кости, поросшие плешивой седой шерстью, а после шли золотые копыта.

Там, в зеркале, этот управляющий не стоял на месте, а то и дело переступал этими золотыми копытами, и от них на ковре оставались дымящиеся следы. Васятка в оторопи поднял глаза, ожидая увидеть на голове этого, в зеркале, помимо копыт ещё и рога. Но увидел он другое, от чего чуть не лишился чувств – головы в зеркале не было вовсе. Вместо неё вился какой-то сгусток, похожий на нечто, облепленное чёрными мухами.

– Ну, чего застыл? – рявкнул управляющий, а тот, в зеркале, разинул чёрную пасть, – Али оглох, меня не слышишь!

– Постой, Пахом Кондратьич, ты чего так расшумелся, – из-за занавешенной сукном двери показался сам Каллистрат Спиридонов, – Али не видишь, мальчонку чуть не до смерти перепугал. Дело у него ко мне, правду он рассказывает, так что не шуми, отправляйся по своим делам. А ты, малец, иди за мной.

Васятка украдкой глянул в зеркало, хоть и страшился, чего он там увидит. Но там отражался только какой-то мутный силуэт самого Спиридонова. Стараясь не глядеть на управляющего, Васятка проскользнул мимо него и поспешил в ту дверь, где скрылся хозяин дома.

Спиридонов шёл по коридору, и обернувшись махнул Васятке рукой, чтоб тот шёл за ним, а Васятке того и надо, только бы поскорее уйти от страшного взгляда управляющего. Спиридонов пустил мальчика вперед себя в кабинет и прикрыл дверь, указав на стул, чтоб тот сел, сам Каллистрат опустился в кресло с высокой спинкой. Взяв со стола записку, которую принёс мальчик, прочитал её и поглядел на Васятку:

– Так ты Гороховой Варвары сынок? Тебя значит Василием звать... Матушку твою я знал, и отца тоже. Жалко, мало им Господь веку отмерил, да на то его воля. Так что там с Устиньей Петровной за беда приключилась?

Васятка, кое-как оправившись от увиденного, рассказал о том, что бабушка Устинья прихворнула, и лекаря звали, а тот велел лекарство из города привезти.

– Вот, у меня есть деньги на то снадобье, – Васятка потянул из-за пазухи малый узелок, – Только я не знаю, какая цена будет, хватит ли, – на глаза мальчика навернулись слёзы, – Дяденька, ты уж не откажи, помоги! Самому мне не добраться до города, а окромя бабушки никого у меня не осталось, как же я один-то... Коли надобно, так я тебе какую хошь работу сделаю, только бабушке помоги...

– Оставь, – кивнул Каллистрат на узелок и нахмурился, – Не тужи, Василий, снадобье я привезу, в аккурат завтра поеду, через два дня вернусь, вот тогда и приходи, часа в три пополудни. А завтра я к вам своего лекаря пришлю, он тут у меня проездом из Верховинцев будет, к вам и заглянет. Ну, утри слёзы, брат Василий, крепись! Бабушке своей ты первый помощник, так вот и крепись. А на-кось вот тебе...

Спиридонов открыл крышечку стоявшей на широком столе диковинной вазочки на ножках, как звериные лапы, и отсыпал Васятке в ладонь леденцов. Погладив мальчика по голове, Каллистрат отворил дверь кабинета и кликнул парня, который словно тут и стоял, наготове:

– Ну, Антип, вот тебе забота: парнишку отведи на выход, там посади, а сам покуда сходи к Акулине, пусть соберёт...

Дальше Васятка не слышал, что Каллистрат негромко говорит парню, которого назвал Антипом, сам он аккуратно складывал в добытую из кармана чистую тряпицу подаренные леденцы. Один он смаковал, его мягкий приятный вкус охлаждал рот, и Васятка остальные решил бабушке Устинье отнести, ей нужнее.

– Понял, Каллистрат Демьяныч, – сказал Антип приятным голосом и улыбнулся Васятке, – Ну, Василий, идём, провожу тебя малость.

– Благодарствуй, Каллистрат Демьянович, – Васятка поклонился в пояс Спиридонову, – Дай тебе Господь всякой благодати и охрани от зла!

Тут Васятке то ли приблизилось, то ли ещё чего приключилось у него с глазами, а только показалось ему, словно вокруг Каллистрата что-то лопнуло, словно пузырь какой невидимый был, рассыпался он чёрным прахом и тут же сгинул.

Каллистрат сам это увидал, или почуял, а только вздрогнул он, а после вздохнул свободно, будто его груз какой-т от себя освободил. Посмотрел Каллистрат с удивлением на мальчика, но промолчал... После кивнул Антипу, и тот повёл Васятку в ту же самую прихожую, где он только недавно ожидал Спиридонова.

Глава 4.

Антип провёл мальчика по коридору, и указал ему на одну из тех мягких скамеек пурпурного сукна, что стояли в прихожей с зеркалами:

– Покуда присядь тут, а я сейчас управлю, что мне Каллистрат Демьянович велел, и вернись. Никуда не уходи.

Васятка послушно кивнул и поглядел в зеркало, никакой страшной зеркальной тропы он в этот раз не увидел, в отражении стоял он сам, и Антип, только вот вокруг Антипа словно искры играли. Такое бывает, когда сидишь у речки на утренней заре, глядишь на удочку, а неподалёку в воде плещает рыба, али ещё кто, и от этого вверх летят брызги, а в них играет своими лучами восходящее на небосвод солнце.

Благостно стало Васятке, покойно. Он сел на краешек обтянутого дорогим сукном сиденья, пощупал за пазухой два узелка – один с монетами, а другой с леденцами. Надежда поселилась в его душе, может этот лекарь, что дядька Каллистрат пришлёт, не станет говорить, что нет лекарства от старости, и каждому своего веку отмеряно, а вместо пустых разговоров бабушку вылечит.

Минут пять прошло, как показался откуда-то из коридора снова этот... Спиридонов назвал управляющего Пахомом Кондратьевичем, вот он и стоял снова перед Васяткой, скрестив на груди руки и сердито хмурясь.

– Ну? Чего опять тут расселся? Али нечего делать? Кто дозволил тебе на кушетку садиться?! Для таких, как ты, вон, скамья поставлена, туда и садись! Тоже, важная птица!

– Каллистрат Демьянович так велел, – Антип вернулся вовремя, и сердито глянул на управляющего, – Я его наказ исполняю, Пахом, оставь мальчика. Али у тебя самого дел мало? Что за забота тебе такая, его гонять?

Покраснел Пахом, набычился, но возразить ничего не посмел, а Васятка хотел было в зеркало глянуть, хоть и страшно было, но Антип загородил от мальчика и зеркало, и самого Пахома. Васятка хотел поглядеть во второе зеркало, за его спиной, но не успел – управляющий вышел, сердито махнув рукою, а Антип повернулся к нему.

– На вот, это вам с бабушкой, – Антип дал мальчику какой-то свёрток, – Пойдём, я тебя провожу, там тебе ещё Акулина собрала кой-чего, как Каллистратом Демьянычем наказано, да самому тебе не донести.

На дворе Антип повёл Васятку к конюшне, там стояла небольшая бричка, запряжённая невысокой справной лошадкой с гривой, сплетённой в длинные красивые косы. Васятке лошадка шибко понравилась, он не стерпел и подошёл погладить, не спросив разрешения. Лошадёнка будто своего увидела, стала тыкаться мордой в парнишку, да радостно эдак, приветливо.

– Что, Зыпка, занравился тебе Василёк-то, я гляжу, – усмехнулся Антип, – Ну, тем и хорошо теперь его домой повезёшь.

К бричке прибежал какой-то человек, он положил внутрь мешок, поставил ещё корзину и небольшой бочонок, потом поманил Васятку и указал ему садиться в бричку. Васятка послушно забрался в повозку, рядом с ним сел Антип и взял вожжи. Зыпка резво заиграла копытами по пыльной дороге, Васятка глядел на дома и людей что останавливались поглядеть на спиридоновскую бричку.

Ехать было недалеко, и скоро стояла уже Зыпка возле дома Гороховых, что у самой околицы. Антип кивнул Васятке, чтобы тот бежал в дом проверить бабушку Устинью, а сам стал выгружать гостинцы, что Каллистрат Демьяныч послал.

Устинье вроде и полегче стало, пока Васятки дома не было, она и каши впечь наладила, и всё поглядывала в окно с беспокойством, где мальчишка запропал, как бы чего не приключилось.

– Здравствуй, хозяйюшка, Устинья Петровна, – Антип вошёл в дом и поклонился хозяйке, – Меня Калистрат Демьяныч послал, и просил кланяться от него. Завтра доктор городской у него проездом будет, ты уж дозвожь к тебе его отправить, о здоровье твоём справиться. И гостинцев прислал, прими, не побрезгай.

– Благодарствуй, Антип, и Калистрату поклон передай за заботу, – Устинья кивнула парню, – Присядь, немного отдохни. Как отец твой с матушкой, скажи? Давно их не видала.

– Ничего, спасибо, все в здравии, – Антип кивнул, – Однако недосуг мне у вас гостить, на обратной дороге мне ещё поручение дано. А скажи, матушка, Васятка от чего в приходскую школу не приходит? Не видал я его там...

– Ох, Антипушка, – вздохнула Устинья, – Ходил ведь он в ученье... да забирают его шибко дети, вот я и не стала пускать. Сама учу, что могу. Писать он умеет, Закон Божий наизусть знает, память у него хорошая. Да вот вишь как... блаженным прозвали, так оно и пошло.

– Матушка, пусть приходит. Я теперь сам за этим пригляжу, никто не посмеет обижать! А коли надо станет, сам буду к вам сюда приходить. Учиться ему надобно, время нынче такое, куда неграмотному, только в батраки дорога.

Пока взрослые говорили, Васятка всё глядел на Антипа. Что-то в нём было, не мог Васятка того распознать, а только вот стоит перед ним обычный парень, а ежели чуть приглядеться, он словно в серебряную накидку облачён. Как же так, дивился Васятка, закрывал глаза и ждал, что морок рассеется. А когда открывал, то по его велению снова всё было так, как то обычный человек видит.

Антип ещё тишком поговорил с Устиньей, потом улыбнулся Васятке, потрепал его по вихрам и уехал, ласково погоняя послушную Зыпку. Васятка висел на плетне и глядел им вослед, как завивается дорожная пыль и мутнеет в ней силуэт Антипа.

Лекарь от Калистрата Спиридонова приехал рано утром, у двора Гороховых остановилась красиво украшенная крытая повозка, с козел соскочил мальчишка, чуть постарше Васятки. Он поспешно отворил дверь и потянул повозку. Из повозки на землю ступил невысокий полный человек в платье дорогого сукна, Васятка такого и не видывал. Человек глядел на мир через одно стекло на глазу, что показалась мальчишке смешным, он сощурил глаза и тоже попытался глядеть одним глазом, ох и чудно!

Доктор важно прошёл в дом в сопровождении мальчика и пробыл там недолго, Васятка в дом не ходил, бабушка Устинья так велела, вернулся в избу только после того, как уехала повозка доктора.

– Бабушка, что же доктор сказал? Антип говорил, что доктор этот городской, поди знает про всякие болезни.

– Ничего, Васятка, не тужи. Все мы под Богом ходим, сколько он нам даст дней, ни одним больше не проживём, – сказала Устинья, но глаза её были грустными, беспокойными.

Понял Васятка, не поможет доктор, нет у него снадобья подходящего... Загрустило сердечко, заплакало, жаль бабушку ласковую, добрую. Кому он, блаженный, опосля нужен будет!

В ту ночь беспокойно Васятке спалось, сны его посещали странные, да такие яркие, словно наяву всё происходит. Там и управляющий спиридоновский был, страшный, с пастью раззявленной, языки оттуда словно змеи далеко вились, того и гляди ухватят...

Измаялся, вся подушка потом изошла от страха, но к утру сжалились над Васяткой сновидения – приснилась ему матушка. Плакала, гладила Васятку по голове, а после научила, как надобно сделать, хоть и страшно это...

Глава 5.

По утру проснулся Васятка уставшим, словно бы его работать всю ночь заставили. Устинья вроде бы полегчало после тех порошков, что ей доктор городской-то оставил, только что не спалось ночью, в груди теснило, озноб пробирал.

– Бабушка, почто ты сама с горшками занялась, неможется ведь тебе! – сетовал Васятка, – Меня бы разбудила, я бы сам управился, умею ведь.

– Да не вовсе я немощная, – улыбнулась Устинья, – Уж с кашей управлюсь как-нибудь. А ты глянь, Василёк, погоды то какие нонче стоят! Ведь уж осень на дворе, а как хорошо.

Василёк кивнул. Он сидел над кашей в задумчивости, приснившееся ночью никак не выходило у него из головы... Устинья заметила это, но молчала, с парнишком такое бывало, что ж, все мы в своих думах.

– Антип сказал, чтоб ты в церкву на ученье приходил, – сказала ласково Устинья, – Я вот рубаху тебе новую достала, поди в воскресенье-то, сходи, уважь его.

– Хорошо, бабушка, сделаю, как велишь, – кивнул Васятка, и подумал, что Антип ему понравился, добрый он, хороший, только вот не навредил бы ему этот... чёрный, что управляющим у Спиридонова служит.

– Поди что ли Белку у речки привяжи, пока ещё зелено там, – Устинья пригляделась к мальчику, – А ты уж не захворал ли часом?

– Бабушка, я Белку привяжу по-за огород, к речке не поведу. Там давеча дядька Сысой стадо гнал да подзадержался, всё и объели. А ещё... бабушка, дай мне хлеба с собой, да соли. Я к Каменной Краухе пойду, к вечеру оборочусь.

– Это зачем в этакую даль? – забеспокоилась Устинья, – Да ещё и одному парнишку, небольшому! Чего там делать? И не думай!

– Бабушка, мне шибко надо, – опустив голову проговорил Васятка, – Уж ты не сердчай на меня, а я всё одно пойду. Ты за меня не бойся, я скоренько обернусь.

– Да пошто тебе туда? – Устинья удивилась, Васятка никогда ей не перечил, всегда слушал, – Ежели так надобно, давай Антипа хоть бы попросим, чтоб вместе, он добрый, не откажет.

– Бабушка... один я пойду, – упрямо сказал Васятка.

Поняла Устинья, что не отговорить ей мальчишку, видать резон у него какой-то есть на это, да и сама Устинья чуяла, изменилось что-то... то ли на селе, то ли вовсе... уж было подумала, что это она так перед кончиною холод чувствует, который расплзается по округе. Видать придётся отпустить Василька, хоть и стучит беспокойно сердце!

Мальчик встал из-за стола и достал из сеней старый отцовский заплечный мешок. Он хоть и был кое-где заплата, но ничего, крепкий ещё. Васятка стал складывать туда огниво, что ещё дед оставил, баклагу воды налил, свернул отцов истёртый армяк, который матушка на Васятку перешила да для тепла подбила шерстью. Идти то не близко, мало ли, может и дождик застанет, хотя небо было чистое, солнце пригревало пригорки не по-осеннему. Погода будто благоволила Васяткиной задумке, только вот бабушка глядела беспокойно.

Собрался он рано, Сысой Клешнин с помощниками только отсвистали своими кнутами, выгоняя за околицу деревенское стадо. Опоясался Васятка отцовой перевязью, тесак евойный приладил, взял из рук бабушки обёрнутый в чистую тряпицу хлеб, соль в узелок завязал, Устинья ему ещё яиц крутых положила и сала кусок. Чего ж голодному мальчишке шастать, раз уж такое придумал. И чего ему вздумалось на гряде идти, неужто и правду Антип сказал, что придумал Васятка золотого корня добыть!

– Василёк, – Устинья кое-как удерживала слёзы, – Душа не на месте у меня, ты уж остерегись, и к вечеру домой вертайся.

– Бабушка, да тут недалеко ведь и идти, – Васятка улыбнулся, – Я уж сколь раз раньше туда бывал, дорога знакомая, зверя там нет никакого, что ты заволновалась.

Устинья смотрела на мальчика, ведь и годов ещё немного ему, а уж и глядит как взрослый, дела у него, и по всему видать, что серьёзные. Такого дома не удержишь, думала Устинья, да и что может стрястись, когда гряда-то – вот она, с пригорка видна. И ребятня окрест всегда ходят, кто за шишками, летом грибы-ягоды, а те, кто постарше – дров главные добытчики.

Васятка шёл по лесной тропе и слушал, как свистят в кустарнике птицы, лес был наполнен своими звуками, а в вершинах пышных елей гулял прохладный осенний ветерок.

«Матушка не зря ко мне во сне пришла, – думал Васятка, глядя, как шустрая белка скачет с ветки на ветку, сопровождая его в пути, – Так и сказала, поди, Василёк, на Каменную Краюху, нешто помощь для бабушки Устиньи отыщешь там... И ещё что-то говорила, да только я заснул, не могу вспомнить».

Защемило в груди у Василька, тоской на сердце сон отозвался. Вспомнилось, как гладила его матушка по голове, прижимала к себе, ласковые слова говорила... На глаза навернулись слёзы, да только Василёк их не пустил, сжал покрепче зубы, он уж большой, чтобы плакать! Вон, бабушка прихворала, кто за ней присмотрит кроме него? Нету у них с бабушкой Устиньей никого больше, всего родни они двое и остались.

Нахмурил брови упрямо и пошёл вперёд Васятка, вон, до гряды рукой подать, а там, знал он это, во сне ему показали, в небольшой ложине, укрытой от глаз человеческих, есть то, за чем он в путь и отправился – притаился там золотой корень! Да такой большой и старый, что выкопать его невозможно, а вот те, что рядом растут – тех и дозволено взять. Не мог Васятка это бабушке Устинье сказать, ну а как? Ведь и так его блаженным на селе прозвали, бабушка шибко горюет об этом, и в ученье его пускать боится. А он и не блаженный вовсе, просто видится ему иногда то, что другим людям неведомо.

Вот потому и отправился Васятка на гряде один, потому что провожатых как брать, коли корень золотой никому нельзя показать – так ему открылось. Заповедный тот корень, думал Васятка, вышагивая по тропе, всем прочим он голова, как отец в большом семействе. А ну как попадёт такой корень на глаза алчному человеку? Не устоит он, сгубит заповедный корень, за него ведь как много денег выручить можно, а после от этой алчности и все прочие корни в округе пропадут, не станут их. Не будет человеку помощи, Богом подаренной в том золотом корне!

«Слышал я... только не припомню, где и когда, – думал Васятка, поглядывая на провожающую его белку, – Что корень сей не только в добром деле помочь может. А вот ежели человек худое замыслит, да эдаким корнем завладеет, то многих бед наделать может!»

Впереди уже начиналась гряда, хоть лес ещё не закончился, но Васятка понял это потому, что начали на тропе попадаться каменистые поляны и большие валуны. Он свернул в лес, белка затрещала ему вслед и пропала средь ветвей, а потом снова появилась на орешнике, только теперь она не трещала, а оглядывала тропу, которой Васятка сюда пришёл.

Узкая ложина была скрыта от глаз густым кустарником, его ветки переплелись с разросшейся травой и образовали плотную завесу, глядя на которую невозможно было угадать, что за ней есть проход – повсюду виднелась каменная стена. Васятка натянул вниз рукава, чтоб колючками не пораниться и закрыл ими лицо, так и пробрался через эту преграду, а оказавшись по ту сторону кустарника обомлел...

Перед ним раскинулся небольшой садик, словно невидимый садовник тут постарался. А всего-то и надо было укрыться небольшой полянке среди огромных отколовшихся от гряды валунов. Небольшой ручеёк стекал по отвесной скале гряды, вода звенела хрустальным перезвоном, и уставший путник подставил ладошки, чтобы напиться. Вода оказалась сладкой на вкус, тут же исчезли усталость и беспокойство, мучившее Васятку всю дорогу, дышать стало легко, а душа повеселела.

Парнишка прошёлся по небольшому садику. Осень здесь ещё не прогулялась, листья растений сияли зеленью, по мху тянулись стебельки с мелкими белыми и жёлтыми цветочками. Васятка сел на замшелый камень и привалился спиной к большому валуну, напротив стекающего по скале ручья открывалась чудесная картина – зелень вилась вверх по склону, образуя пышный шатёр, дышалось здесь легко, пахло чем-то приятным, и знакомым...

А вот и то, за чем Васятка сюда явился. Огромный пышный букет листьев венчал золотой корень, а вокруг его сгруппировались кусточки поменьше, вот их и показала Васильку явившаяся ему во сне матушка. Васятка закрыл глаза и прошептал слова благодарности тем, кто незримо приглядывает за ним, и не оставляет одного. Потом осторожно стал окапывать три небольших кусточка – всё так, как было ему разрешено.

Набрав в баклагу воды из источника, Васятка завязал свой мешок, приладил его на спину и выбрался наружу через плотную стену кустарника. Оглядел потемневшее небо, как бы дождя не нанесло, пора отправляться в обратный путь, бабушка ждёт, беспокоится!

Васятка вышел на каменистую тропу, теперь надо пройти вдоль гряды до подлеска, а там тропка сама в Карсуки выведет. Однако приблизившись к орешнику, Васятка вздрогнул – на каменистой поляне у большого валуна стоял человек в сером грязном плаще.

Глава 6.

Васятка остановился, сердце испуганно стукнуло. Лицо незнакомца было скрыто балахоном и было в этом что-то злое, Васятка чуть попятился, да куда тут бежать? Позади гряда стеной стоит...

– Дяденька, ты кто? – спросил Васятка, пытаясь разглядеть лицо стоявшего у большого валуна человека.

– Покажи мне то место, куда ты сейчас ходил! – проговорил человек каким-то странным, каркающим голосом.

– Никуда я не ходил, – растерялся Васятка и невольно пощупал добытые корешки за пазухой, – Пусти меня, дяденька, мне надо домой вернуться, бабушка ждёт.

– Я сказал, покажи мне вход! – рявкнул человек в балахоне и двинулся на мальчика, – Ежели жить хочешь, покажи!

– Уйди! – крикнул Васятка и отступил назад, обернувшись и чуть не упав на камни, когда под ногу ему попался острый булыжник.

Если этому так надо узнать про вход, мелькнула в голове Васятки мысль, значит нельзя ему показывать то место, где растёт тот самый «царь-корень», как его сам Васятка называл. Да и как же так получается – ежели этот в балахоне стоит там, у валуна давно, то он должен был видеть, как Васятка выбрался из плотного кустарника.

Бежать обратно нельзя, этот проберётся за ним, решил Васятка и лихорадочно огляделся, тут он приметил едва заметную тропку, ведущую наверх, на грядку, и кинулся туда. Тропка была узкая, неровная и Васятка скользил ногами по поросшим мхом влажным камням, хватался руками за чахлые кустики, кое-как примостившиеся в расщелинах скалы.

Мальчик взбирался по траве и не оборачивался, он и так чувствовал, как пытит позади его преследователь. Нужно спешить, стучало в голове, и Васятка лез шибче, обдирая руки об острые камни.

Тропинка уходила вверх, а склон становился всё круче, лезть было труднее, но Васятка почувствовал – тот, сзади, отстаёт, дышит хрипло и всё тяжелее, тогда мальчик рванул вперёд изо всех сил. Его преследователь зарычал, понимая, что добыча от него ускользает, но Васятка уже ступил на плоскую вершину каменной гряды. И тут он понял свою оплошность – деваться отсюда ему было некуда. Он огляделся, другого пути вниз, кроме того, где сейчас пытел его преследователь, нет...

Васятка кинулся к противоположному краю узкой скалы, но там была отвесная стена. Что ж... хриплое дыхание человека в балахоне слышалось уже совсем близко, тогда Васятка достал тесак и огляделся.

По плоской, похожей на блюдо вершине гряды были разбросаны большие валуны, и мальчик приметил, что они образуют круг, он вошёл в него и встал посередине, спиной к самым высоким камням, в руке Васятка сжал старый отцовский тесак.

Тот, что гнался за ним, тяжело дыша и хрипло ругаясь наконец добрался до вершины. Он откинул полы своего балахона и достал из-за широкого пояса нож.

Меж тем небо над грядой хмурилось, странные фиолетово-сизые облака сгрудились над вершиной, небо грозно ворчалось. Было похоже, что вот-вот начнётся гроза, чего Васятка на своём веку никогда не видывал – в этих краях гроза осенью за прожитые Васяткой годы ни разу не случалась.

– Покажи мне ход, и я оставлю тебе жизнь! – хрипло проговорил человек в балахоне, лицо его, скрытое тенью, словно было каким-то мутным, – Почто тебе умирать за такой пустяк! Просто покажи мне, как туда пройти! Открой ход и ступай к своей бабушке! А нет – тогда не жить вам обоим, так и знай!

– Я не знаю никакого хода! – крикнул Васятка, – Уходи!

– Я видел, как ты появился из скалы! Я шарил там, гладкий камень только увидал! А ты там был, я видел! Открой мне ход и уходи к своей бабке! Или умрёшь тут!

Васятка молча смотрел на человека и его нож, понимая, что убежать он не сможет. Но и сказать то, что от него требует этот человек, он не мог. Чуял это нутром!

– Ну? – рыкнул человек, – Иди ко мне, спустимся обратно, и ты мне всё покажешь! Ты не думай, парень, я не за просто так! Я тебе денег дам, много денег!

– Нет, – Василёк насупился и вдруг почуял за спиной своей тепло, словно лежащие в заплечном мешке корни грели его и давали силы, а камни вокруг него сгрудились, защищали.

– Ну, тогда умри! – крикнул незнакомец и ринулся на мальчишку.

Гул прошёлся над грядой, словно бы кто-то ударил в огромный бубен. Человек, кинувшийся на Васятку, отлетел в сторону, будто ударившись о невидимую преграду, окружившую мальчика. Васятка даже увидел, как вибрирует перед ним воздух.

Человек встал, потирая бок, он сильно ударился о камень и теперь в недоумении глядел на Васятку. Потом подошёл к окружавшим мальчика валунам и потрогал пространство между ними. Рука его наткнулась на невидимое глазу препятствие.

Васятка от удивления рот открыл и выронил из рук тесак. Человек не мог подойти к нему, не мог даже ступить внутрь этого круга, а тот сам это понял и бесновался от злости, бил руками по камням. Устав, он сел на землю и стал злобно смотреть на мальчишку, видимо раздумывая, как его достать.

А Васятка, посидев немного, достал из мешка хлеб, развязал узелок с солью и решил подкрепиться, запивая вкусной водой, набранной в потаённой лощине. Он ел хлеб и смотрел, как скалится тот, кто истово желал ему смерти, и раздумывал теперь, как же к Васильку подбаться.

Собрав все крошки с тряпицы, в которую был обёрнут вкусный бабушкин хлебец, Васятка и сам призадумался, как ему отсюда выбираться? Бабушка его ждёт, и ежели он к вечеру не объявится, как она будет?

А тот, который в балахоне, видать чего-то придумал. Он поднялся, достал из-под балахона какой-то небольшой мешочек. Василёк подошёл поближе, чтобы посмотреть, чего ему ждать хоть, какой беды.

Незнакомец развязал мешочек и высыпал на плоский валун костяные кругляши, на которых были начертаны какие-то знаки. Человек глянул на Васятку, из-под балахона зло сверкнули глаза, он оскалился и стал что-то шептать над кругляшами. Они сами собой задвигались на камне, Васятка почуял, как порыв ветра прошёлся по вершине гряды.

Мальчик посмотрел в небо и обомлел – там собирались чёрные, страшные тучи, сгущались и накрывали землю мраком, так бывает перед сильной грозой. Но сейчас, гроза? Как же это возможно? Васятка понимал, это всё он, этот человек, по его злой воле прошёлся по гряде грозовой рокот, Васятке в лицо кинуло сухой травы от порыва ветра... И тут он понял, какая опасность ему грозит!

Мальчик кинулся к валунам, те ещё источали тепло, он огляделся и выбрал два камня, которые стояли очень близко друг к другу. Сперва Васятка приладил меж них свой мешок с драгоценными корешками, за него он сильно переживал, протиснулся рядом, охватив руками тёплый валун, прижался к нему сам и своим телом придавил мешок.

А этот, в балахоне, бесновался, ходил кругами, вздымал руки к грозовому небу, и словно под его чарами налетел вихрь, гром гремел так, что казалось будто скалы трещат. Дождь хлынул широкой рекой, и Васятка крепче ухватился за валун, опасаясь, что сейчас его и вовсе смоем с гряды.

Стихия бушевала, повинувшись чьей-то злой воле, Васятка уже еле дышал от усталости, из последних сил цепляясь за кусточки травы возле валунов. Он прижимал собой к земле мешок и

бормотал молитву, но чувял, что силы скоро покинут его, и тогда... Этот, в намокшем страшном балахоне доберётся до него!

И тут чёрное небо над Васяткой разверзлось молниями. Они сверкали так, что всё кругом освещалось синим, мертвенным светом, Васятка закричал от страха, когда одна ударила совсем рядом с ним. Мальчик понял – это конец, и тут же что-то вспыхнуло прямо у него в голове, нутро ожгло огнём, и Васятка упал, из последних сил обхватив валун и прижавши к нему свой мешок. Мир для него пропал во тьме...

Глава 7.

Открыв глаза, Василёк увидел, что нет никакой грозы, и всё вокруг залил солнечный свет. Голове было мягко, а телу тепло, Василёк зажмурился от солнца и снова открыл глаза. Над ним склонилось улыбающееся лицо матушки... Она гладила его по волосам, голова мальчика лежала у неё на коленях.

– Матушка! – обрадовался Василёк, – Матушка!

Мальчик поднял руки и обнял её, прижался и закрыл глаза, опасаясь, что вот сейчас это чудное виденье исчезнет. Солнце заливало гряды, они сидели на полянке, окружённые валунами, которые спасли сегодня Васятку. Только... вот спасли ли?

– Матушка! Что же, я никак помер? – спросил Васятка, и прижал к лицу матушкину ладонь, – Коли так, дак это и хорошо, я истосковался по тебе! Только вот... бабушка Устинья загорюет по мне... жалко её, хворающая она...

– Рано тебе помирать, Василёк, – ласково сказала матушка и поцеловала его в лоб, – Сколько ещё тебе сделать надобно, сколь пути одолеть! Ничего не страшись, сынок, Бог с тобою, и мои молитвы!

– Так значит, это я сплю, – с огорчением проговорил мальчик, да что, и в самом деле всё похоже на сон, вот и рубаха у него была сухая, когда на самом деле он промок до нитки, – Матушка, побудь тогда побольше! Устал я, шибко устал, и этого боюсь, который в балахоне. Как мне выбраться отсюда? Эти камни меня защитили, да он грозу призвал, страшную, от которой нет защиты.

– Это не камни тебя защитили, а сам ты себе стену незримую от него выстроил, – сказала матушка, приглаживая Васяткины волосы, – Силу ты взял такую, какой никто в роду нашем не имал! Сила великая, да сам ты покуда мал, да есть рядом с тобою ангелы, научат тебя, как добро защитить и силу эту во благо пользоваться. Ты их слушай! А что зло тебя страшится, так потому оно и пришло сюда, где корень заповедный растёт, надеясь сгубить тебя. Да не выйдет ничего, не бойся. Корень во благо пойдёт, как я тебя научила, а скоро и сам ты изведает, сам всё увидишь, где сила твоя нужна.

– Матушка, а ты приходи ко мне чаще, – попросил Васятка, на глаза навернулись слёзы, – Шибко я скучаю, душа так болит, что наружу просится.

– Как позовёшь меня по надобности, так и приду. Да только ты о мне не тоскуй, а то и мне тут тяжко, тоска твоя камнем на сердце ложится. Как пойдёшь обратно, зеркальце моё с собой прихвати, в него всё тебе будет видать – и добро покажется, и зло.

– Какое зеркальце? – только и успел спросить Васятка, а тут же залилась вершина гряды светом, словно рекой солнечной затопило, и пропало тут же всё виденье Васяткино, от которого душа согрелась.

Васятка огляделся. Гроза сгинула, рассыпались по небу чёрные тучи, мокрая после дождя трава меж валунов блестела от капель воды. Тут и там на траве и земле, на камнях видел Васятка чёрные опалины от молний, они были глубокие, обугленные, словно раны. Тот, в балахоне, лежал по-за камнями, опрокинувшись навзничь.

Васятка вскочил на ноги, подобрал свой мешок и подивился – и его рубаха, и старый отцов мешок, всё было сухим, тёплым. А рядом, прямо на том месте, где только что лежал сам Васятка, он увидел небольшое зеркальце. Сперва он подумал, что это молния попала в камень и

оплавила его, но взяв зеркальце в руки, понял – оно серебряное. Может и оплавился от молнии самородок какой, да только откуда же по краю диковинный узор, веточки да листочки, тонкая работа...

Нет, не оплавок это от молнии, заповедное то зеркальце, как матушка сказала! Подхватился Васятка, зеркальце матушкино обернул тряпицей, в которой бабушка Устинья ему хлеб дала, сунул за пазуху поглубже, мешок на спину поскорее приладил. Спешить надобно, покуда этот, чёрный, не очухался да снова не принялся творить зло!

А тот лежал, словно бездыханный, балахон его намок и покрыл его вовсе, ни лица, ни рук не видать. Васятка припомнил, матушка сказала –сам он себя оградить может, а раз так...

Вскинул руки Васятка, в небо глянул, словно позвал кого, откуда что бралось, он и не ведал, а только слова сами с губ полетели, словно белые птицы:

– Охраните, оберегите, стеной нерушимой меня оградите! До дома родного доведите! Черного зла не знаю, силы чёрной к себе не допускаю!

Огляделся Васятка, поклонился до земли, благодарность воздал всем и вся, кто был здесь и помог ему от зла ухорониться. Без страха шагнул он за валуны, туда, где лежал незнакомец в балахоне.

Васятка уже до начала тропы дошёл, которая вниз вела, и хотел было начать спускаться с гряды, туда, к подлеску, когда тот, кто хотел его погибели, зашевелился.

Васятка остановился и смотрел, как заметался среди камней мокрый грязный балахон. Этот искал его, шарил руками вокруг камней и не находил. Рычал, плевался и сходил злобными ругательствами, но всё тщетно. Тогда человек выбежал к тропе, и стоя в пяти локтях от мальчика, не мог его углядеть, закричал:

– Где ты?! Покажись! Не бойся, я не обижу! Я тебе золота дам, вот..., – из рваных рукавов балахона посыпались монеты, заскакали по камням, забивались в расщелины.

Васятка покачал головой и порадовался, правду матушка сказала – не видит его этот, кто бы он ни был. Не слушая криков этого в балахоне, мальчик стал осторожно спускаться по скользкой мокрой тропе, стараясь не обваливать камни и не шуметь. Словно помогая ему зашумел ветер, засвистал меж камней странными звуками, загудел. Заговорили с ветром и вершины елей, там, в лесу, заскрипели стволы, и под эти звуки Васятка добрался до подлеска.

Вот тот валун большой, возле которого он и встретил этого незнакомца, но в этот раз на счастье мальчика там никого не было. Кинулся Васятка бежать по тропе, и дивился, что здесь сухо всё было – лес стоял в ожидании осенних ливней, мягко шурша облетала листва с берёз, редких среди елей, и с багрового осинового подлеска. Не было здесь никакой грозы, не метались страшные молнии, не плавили всё, что попало им на пути...

Бежал Васятка, ног под собой не чуя, мешок болтался на спине, а рукой он бережно придерживался за грудь, там за пазухой, в тряпице, таилось заветное зеркальце.

Вечер ложился на село, нагоняя серое небо от горизонта, холодом тянуло от каменной гряды, и Васятка зябко поёжился. Вон уже видны оконца в домах, мерцающие тусклыми огоньками.

Вот и родная Васяткина изба, которая стояла у самой околицы, на крюке над крыльцом висел масляный фонарь, видать бабушка Устинья повесила, ждала парнишку. Васятка шибче припустил с пригорка, припозднился он, раньше обещался вернуться, а уж стемнело.

– Бабушка, – позвал Васятка, взбежав на крыльцо и отворив дверь, – Это я, я дома!

Устинья стояла на коленях перед образами и истово молилась. Тусклый огонёк лампадки мерцал в сумерках, тени прыгали по стенам, и казалось, что лики святых оживают, смотрят на людей.

– Василёк! – Устинья кинулась к мальчику, обняла, стала глядеть в лицо, – Ты цел? Ох, внучек, а я уж и сама помирать собралась тут без тебя! Ведь третьего дня ты на гряде ушёл!

Я уж и сама ходила, да ноги старые не идут, только до ручья дошла! Гордеева просила, он с мужиками ходил, искали тебя, да не нашли! Ох, Василёчек, солнышко ты моё...

– Бабушка, что ты! Как третьёго дня, когда я утром только и ушёл, – Васятка скинул мешок на лавку и обнял бабушку, – Ты не плачь, вернулся я, и корень чудный добыл! Теперь здоровье тебе поправим!

Немногим позже умытый Васятка в чистой рубахе сидел за столом, ел наваристую затируху и рассказывал бабушке про то, как матушка во сне его надоумила, и как нашёл он чудный корень там, где она ему указала.

Сами же три корешка, похожие на фигурки маленьких человечков, лежали теперь на чистой тряпице, отмытые от земли. Устинья поглядывала на них и на Васятку, качая головой.

– Антип тебя тоже искать ходил, когда Гордеев мужиков ко гряде-то повёл. Да только не отыскали тебя, Гордеев запереживал очень, а вот Антип ко мне пришёл, улыбается, да и говорит: «Не тужи, матушка, вернётся наш Василёк». Будто знал, что жив ты и невредим! А только ты как знаешь, но теперь я тебя одного никуда не отпущу, только под приглядом, так и знай!

– Что же, бабушка, и рыбалить непустишь? – наевшись, Васятка прилёг на лавку, глаза слипались от усталости, – Поди ж не пропаду, большой уж я! Лучше ты из корня настой готовь, а я покуда посплю...

Только и поспел договорить, как тут же и заснул парнишка, кулачок под щёку сунул. Укрыла его Устинья рогожкой, поверх шаль свою шерстяную устлала, потеплее ему, пусть согреется. Тяжела ей доля досталась, да вот только мальчишке и того тяжелее...

Глава 8.

Вышел Васятка во двор с широкой лопатой, снегу нонче выпало велико, старое гумно за околлицей чуть не по самую крышу завалило. Соломенная кровля гумна оделась пышной шапкой, и словно большая гора возвышалась посреди поля, только чуть виделось брёвен, потемневшие от времени стены ещё не целиком утонули в снегу.

Поправив рукавицы, Васятка взялся за лопату и принялся расчищать двор, негромко напевая себе под нос. Между делом он раздумывал о всяком. Как пришла зима, неожиданно и разом, снегопад не прекращается уже почти неделю, как-то даже не верится, что так мало времени прошло с его возвращения с гряды... Тот человек в балахоне не выходил из головы, Васятка всё раздумывал, кто же он таков, и зачем ему Царь-корень занадобился? Уж не для благого дела, это понятно!

Сперва Васятка шибко опасался того, что тот позарится на его корешки, которые он для бабушки Устиньи добыл, и заявится к ним на двор. Ему даже снилось это, будто выходит он на крыльцо утром, а там – этот стоит, трясёт рванными рукавами, и сыплются оттуда вовсе не золотые монеты, как на гряде было, а какие-то гнилые ошмётки.

Вскрикивал Васятка во сне, просыпался, пугал Устинью, которая тут же к нему кидалась, успокоить, приголубить мальчишку. Но никто к ним на двор не явился, а когда бабушка Устинья мешок вытрясать стала, с которым Васятка на гряде ходил, выпали оттуда три небольших золотых самородка, и один, чуть побольше, серебряный. Старый Васяткин кафтан, порядком измазанный и порванный об камни, когда парнишка поспешно спускался с гряды по скользкой тропе, тоже оказался с подарками.

Когда стала Устинья его чинить да вычищать, выпали из прорех камушки самоцветные, синие да зелёные, с переливами. Подивилась Устинья, камушки собрала – малая горсточка набралась, да только уж шибко красиво сверкают – видать немалых денег стоят. Показала Устинья это добро Васятке, а тот и обрадовался, и загрустил, сказал только:

– Видать, это нам от матушки подарок. Эх, кабы вот нам эдакое богатство раньше кто дал, когда матушка жива была... так поди и её бы вылечили тогда от хвори-то.

Устинья собралась в город поехать, эдакое богатство в избе держать – только на беду себе. Быстро прознается, а там и лихих людей приманит. А какие из них с Васяткой-то охранники! Ну вот, уговорилась с урядником Гордеевым, когда тот собрался в управу ехать, чтобы с ним и отправится.

– Продам, к чему нам это хранить, – говорила Устинья Васятке, – Деньги на доход положу, тебе на жизнь останется. А на доход летом избу поправим, забор новый, баню срубим, что по белому топить. Одежи тебе справим, вон, со всего уж вырос, да и отцовы одёжки ветхие, тепла не держат. Хозяйство ведь держать надобно, как вырастешь, будет куда молодую хозяйку привести.

Настой из чудного корня, Васяткой добытого, Устинье помог, да и порошки, что городской доктор велел принимать, Антип ей привёз. К Рождеству она уж и позабыла про хворь свою, делов было полно – Васятке рубаху пошить, шерсти на прясть, да мало ли у хозяйки заботы.

А Васятка стал в ученье ходить, Антип самолично следил, чтоб никто парнишку не забиячал, и блаженным не дразнил. Про Антипа на селе сказывали, что приходится он сродником артельщику Спиридонову, потому Каллистрат его к своим делам и приставил. Да и на селе Антипа уважали, даром что молод он, а сила в нём чуялась.

Даже строптивый и крикливый Савва Паршаков, который ни у кого в работах долго не держался, зато на селе слыл первым драчуном и забиякой, при виде Антипа тих делался, что тамышь.

Вот и опекал теперь Антип Васятку, книги ему разные привозил из города, про камни, откуда они берутся и по каким приметам их можно отыскать, да прочие всякие науки ему показывал. Полюбилося Васятке ученье, так, что теперь даже унылые и монотонные занятия по Закону Божию, которому отец Евстафий ребяtiny учил, казались ему не такими скучными.

Зажили справнее бабушка Устинья да Васятка, в избе подправили полы да печку, на амбар новый сруб сладили, народ тут и зашептался, дескать, откуда деньги-то взялись. Ну, посудачили, кому покоя от этого не было, да и решили, что это артельщик Спиридонов сироту призрел, помогает, а больше и неоткуда взяться.

А кроме ученья и книг, которые ему Антип привозил, любил Васятка принесённое с гряды зеркальце. Заповедное оно, берёг его Васятка пуще всего другого, обернул в шитый матушкой рушник узорный и в малый сундучок упрятал, там у него прочие сокровища лежали. Отцова шапка, почти новая, матушка сказывала, что её купил он на ярмарке, когда Васятка только родился, да вот носить не поспел. И матушкины бусы, венок её девичий, она хранила сама, а теперь вот Васятка хранит – синий, красивый... Вот там и зеркальце теперь лежало, а когда шибко становилось тоскливо Васятке, когда душа просила поплакать, погоревать о доле сиротской, так и доставал он зеркальце. Ничего диковинного зеркальце то ему не показывало, сам себя и видел, да вот узорную кайму по краешку всё разглядывал, уж очень чуден был узор.

Не только листочки да цветочки там были, глубже уходила картинка, ежели к зеркальцу глаза приблизить. Там, за листочками, деревенька с домами, по-над крышами струйки дыма вверх плывут, к месяцу, тонким серпом висевшему над острыми верхушками елей. И колокольню видать, и гряды каменную вдалеке.

Как матушка сказала? «В моё зеркальце всё тебе будет видать – и добро покажется, и зло» ... Это Васятка хорошо запомнил, да вот только как же глядеть, как это видеть? Васятка не знал, а потому и глядел на узор вокруг зеркальца, и тем душа радовалась. Придумал себе, что в тех избах, что он видит на узоре, все живут, кого нет на этом свете с ним. Вон в той, справной и большой, матушка с отцом живут, хорошо им, покойно... А после, когда и сам Васятка путь свой земной окончит, там и окажется, с ними. Натешившись, прятал он зеркальце обратно в сундук, отдохнувши душой то. Да вот уж после довелось ему узнать, что за зеркальце он хранит.

– Василёк, вон Антип приехал к нам, – глянув в окно, сказала бабушка Устинья, и отложив веретено пошла встречать гостя.

День выдался морозный, Васятка с самого утра все дела справил по дому и теперь сидел на лежанке у печи, разложив на коленях недавно привезённую Антипом книгу. Услышав, что он сам приехал, Васятка тут же соскочил и кинулся встречать.

– Ох и холодно, стужа какая, – похлопывая по бокам озябшими руками, Антип вошёл в избу, за ним клубился морозный пар, – А у вас как хорошо, тепло!

– Садись, Антипушка, за стол, я нонче пирогов напекла, – позвала бабушка Устинья.

– Благодарствуй, матушка, – поклонился Антип, – Недосуг пока чаёвничать, Калистрат Демьяныч меня с поручением послал к вам. Василий, ты не шибко занят? Калистрат Демьянович тебя просит приехать к нему, поговорить. Я тебя отвезу, и обратно доставлю.

– Хорошо, сейчас соберусь, – кивнул Васятка и пошёл одеваться, достал новую рубаху, кафтан, который бабушка Устинья с городской ярмарки привезла.

Постоял в раздумье и добыл из сундучка своего зеркальце заветное. Бабушка Устинья сшила ему мешочек плотного сукна, Васятка её просил, завязки приладила, вот этот мешочек и положил он теперь за пазуху.

– Антипушка, а по какой же надобности Калистрат Васятку зовёт? – с беспокойством говорила меж тем гостю Устинья, – Али приключилось что?

– Да вот не сказывал он мне, зачем ему Васятка наш зандобился, – покачал головой Антип, – Сам я думаю, может хочет парня к делу какому приставить, ведь учёба ему легко даётся.

– Ну, коли так, то это хорошо, – успокоилась Устинья, – Так и мне покойнее будет, ведь сколь мне Бог веку отмерил, кто знает.

Уселись Антип с Васяткой в бричку, Зыпка перебирала копытами, видать и ей студёно было стоять, хоть и накрыл её Антип рогожей. Васятка погладил её, сухарик дал, Зыпка замотала гривой, благодарно в плечо парнишку ткнулась. Потом уж и тронулись, ехать через всё село, но уж вскорости и дом Спиридонова показался.

Антип усадил Васятку в небольшой комнате, а сам пошёл сказать Каллистрату Демьянычу, что гость его прибыл. Мимо Василька то и дело пробегали люди, суэта царила в доме по причине скорого Рождества. Детей у артельщика было четверо, вот для них и готовили Ёлку в большой зале дома. Васятка понял это из разговоров и ему жуть как захотелось поглядеть – какая она, Ёлка в богатом-то доме. Когда он был совсем маленьким, бегали они с соседскими ребятами посмотреть на праздник к дому хозяина здешнего прииска, Гаврилова, в окна глядели, как гости водят хоровод, срывают с нарядной ёлки сладости.

В доме Гороховых к Рождеству Ёлку не справляли, матушка пекла сдобы, а отец всегда привозил с ярмарки леденцы и постилу. И вот теперь не стерпел Васятка, встал со стула и вышел в коридор, подошёл ко входу в большую залу и стал глядеть, как истопник Куприян прилаживает рожки со свечами на ветки большой пышной ели.

– Куприян, ты почто свечи витые взял, надо другие ставить сюда! – раздался позади Васятки сердитый грубый голос, и мальчик, вздрогнув, отпрянул от двери.

Позади него стоял управляющий, тот самый Пахом Кондратьич. Он сердито хмурился, глядя на истопника, но вот Васятку, который стоял в трёх шагах от него, словно и не видел.

Глава 9.

Попятился Васятка, а управляющий и головы не повернул, ступил в залу, продолжая кричать на Куприяна, который со страху уронил на пол пачку свечей. Мальчик снова подошел к двери и стал открыто заглядывать в залу, истопник его увидел и незаметно махнул рукой, мол, уходи, малец. А Васятка понял, управляющей по всей видимости его не примечает... Или, может намеренно делает вид, может, Каллистрат Демьяныч его отругал за прошлый раз?

Сзади кто-то тронул Васятку за плечо и тот вздрогнул от неожиданности. Позади него стоял сам Каллистрат Спиридонов и улыбался:

– Что, Василий, ёлкой любишься? Ну, приходи и ты к нам на Рождество, думаю, ребята мои рады будут такому гостю.

– Здравствуйте, Каллистрат Демьянович, – негромко проговорил Васятка, – Благодарствуйте, я бы хотел поглядеть, как свечи на ёлке зажигают...

– Ну, вот и приходи. Петруша то мой чуть тебя помоложе будет, думаю, сдружитесь вы. Идём в кабинет ко мне, потолкуем покуда.

– А ты как тут взялся? – из залы вышел управляющий и с недобрым удивлением глядел на Василька, – Я шёл мимо, тебя не видал!

Глаза управляющего так и сверлили мальчика, шарили недобро, а руки сжались в кулаки. Оставшийся в зале Куприян судорожно прибирал возле ёлки, лицо его покраснело, пот тёк по лбу и впалым щекам истопника.

– Ну, ну, чего ты раздухарился, Пахом, на пустом месте, – Спиридонов устало потёр лоб, – Али заняться тебе больше нечем? Иди за мной, Василий.

Кабинет Спиридонова был вовсе не большим против того, как Васятка ожидал. Простой стол с пером и пузатой чернильницей, бумаги стопкой и бронзовый подсвечник в виде льва. Сам Спиридонов не сел в этот раз в кресло, он указал мальчику на мягкий стул возле стола, а сам сел напротив его на такой же.

– Василий... ты вот что мне скажи, – начал Каллистрат, и Васятка понял, что непросто артельщику этот разговор даётся, – Уж не подумай, будто я головой повредился, а только до того момента, как ты в прошлый раз в нашем доме появился, я как во сне ходил. Всё мне казалось плохим, неправильным, да и голова болела так, что спать не мог. А ты... заметил я, да и не мог не заметить, что ты эдак как-то глянул на меня в прошлый раз, и у меня как будто камень с плеч сняли. Дышать стало легче, думы в голове появились, да и дела пошли! Скажи мне, не таись, как ты это сделал? Что это было? Ты не страшись, никому я ничего не скажу, и тебя обижать не позволю!

– Кабы я сам знал, дяденька Каллистрат Демьяныч, – ответил Васятка, – А только хочешь верь, ничего я и не делал эдакого. Просто сидел в прошлый раз да в зеркало глядел, которое у вас висит, как в дом войдёшь.

– А слышал ли ты сам, что прабабка твоя, Марфа Тимофеевна, Царствие ей Небесное, – наклонившись к мальчику, тихо проговорил Спиридонов, – Ведала такое, что простому человеку от глаз сокрыто? Матушку мою она во младенчестве лечила, горб у неё рос, да сказывают, что по злему навету это происходило. И ещё многое она умела, людям помогала до самой своей кончины...

– Нет, я про то не знаю, – удивился Васятка, – когда я мал был, матушка про неё мне рассказывала, да я и не запомнил ничего тогда...

Васятке стало вдруг страшно. А что, если его и в самом деле не за просто так блаженным-то прозвали? Может, с ним и в самом деле что-то не так?!

– Ну и ладно, – сказал Каллистрат, видимо, почуяв Васяткин страх и смущение, – Даст Бог, всё тебе откроется, когда время придёт. Да и не за тем я тебя позвал, чтоб о прошлом пытаться. Помоги мне, Василёк, прошу тебя Христом Богом!

– Да чем же я могу вам помочь, дяденька? – удивился Васятка, – Ежели что надобно, ты скажи...

– Сынок мой, Петруша, занемог. Я уж и докторов привозил, и городского, и уездного звал. И к знахарке старой возил, травы она давала заваривать, а только нету проку никакого! Тает парнишка на глазах, извелись мы все!

– Дяденька Каллистрат, да нешто я против докторов-то что могу? – тут Васятка ещё больше испугался, – Кабы я знал, чего сделать надобно! Да и в прошлый раз, может это и не я вовсе... когда ты сказываешь, будто ты сам... облегчение почуял.

– Ты, Василёк, ты, – Каллистрат погладил мальчика по голове, – Я видал сам, такое не пропустишь, когда вокруг тебя самого чёрная стена рушится... Да ты не пугайся, Василий, нет так и нет, с тебя никто не спросит. Да уж не откажи хоть в одном – идём к Петруше, просто на него глянь.

– Не откажу, отчего же и не поглядеть. Только ты, дяденька Каллистрат, на меня не сердчай, ежели что... не умею я того, что ты ждёшь.

– Что ты, сынок, как же можно. Ты об этом и не думай, я теперь тебе завсегда помогу во всём, чего попросишь. Ну, идём, Петруша лежит, матушка за ним ходит...

Каллистрат встал и поманил Васятку за собой. Они вышли в коридор и отправились в другое крыло дома, и тут уж Васятка почуял... Что-то неуловимое витало в воздухе, от этого незримые тени прятались по углам, сбивались в серы комок, и Васятке казалось, что из углов на него глядят жалобно чьи-то глаза.

В комнате, куда привёл его Спиридонов, шторы были спущены, и у большой кровати сидела заплаканная женщина в тёмном платье. На кровати лежал очень бледный мальчик, он был примерно того возраста, что и сам Васятка, только черты его теперь заострились, тени легли под глазами. Васятка понял, что мальчик умирает...

– Катеринушка, мы пришли, – тихо сказал жене Спиридонов и женщина обернулась, Васятка вздрогнул от её взгляда, в нём сквозило отчаяние, – Это Василий, нашего Петрушу пришёл проводить. Ёлка в зале уже стоит, Петруша ведь так любит Рождество, вот скоро и праздник будет.

– Не до гостей нам, – тихо сказала Каллистрату жена, – А Рождество... будет ли оно у нас...

Васятка подошёл чуть ближе к кровати, что-то его туда тянуло неодолимо, он подошёл совсем близко...

– Зачем он пришёл, – вдруг сказал Петруша слабым голосом, – Уберите его, мне нехорошо... я сейчас умру... мамочка...

– Каллистрат! – воскликнула женщина и взяла Василька за руку, с укором глянув на мужа, – Уведи его, зачем ты привёл, какие гости могут быть! Мальчик, тебе надо уйти!

Но Василёк и с места не двинулся, он сел на краешек кровати и ласково убрал от себя руку женщины, погладив её ладонь. Та замерла о чего-то, как замер и сам Спиридонов посреди комнаты, и только Петрушу вдруг словно подбросило. Он сел на постели и стал вдруг шарить руками по одеялу, глаза его были закрыты.

– Каллистрат! – задыхаясь, крикнула женщина и кинулась к мужу, но муж накрепко сжал её в своих объятьях, не пуская к сыну, – Отпусти! Что он делает?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.